

чтобы эта сфера осталась нетронутой, чтобы мы продолжили мечтать, учились отличать добро от зла, сопереживали и хотели бы быть похожими на сильных духом и свободных героев, чтобы литература не стала еще одним пустым развлекательным жанром, а продолжала нести воспитательные и познавательные функции, сеяла, как и прежде, разумное, доброе, вечное.

Лариса КАЛМАГАМБЕТОВА

ЖЕРНОВА

Крутится жёрнов – жестко, громко, беспощадно с хрустом мелет просо, превращая жареные зерна в грубый помол. Серый старый камень набирает силу и скорость, жадно вбирает в себя семя – плод жизни, и перемалывает в желто-белую пыль, но это не мука – это талкан.

В темном летнем чулане, удобно усевшись на земле, раздвинув по-детски ноги, сидела старая Алемгуль. Давно не делала она внукам толченого проса, давно клянчат, да что-то не получалось, как будто её что-то держало, но скорее боялась старого друга-кормильца. Вот он, несколько не изменился. Все вещи в этом брэнном мире стареют, ветшают, хиреют, а он неизменен, словно вчера молот муку. Долго ждал её вечный верный кругляш. Как стоял на своем месте, где поставил покойный её благоверный, так и стоит. Алемгуль и не вспомнит, в каком году в последний раз бралась за ручку дыырмен тас, – сколько воды утекло, людей ушло, силы забрало. «Проса нажарила в казане целый астау, хватит ли сил растолочь?!» Сильная костлявая правая рука крепко взялась за деревянную ручку жёрнова, а левой неспешно насыпала в его жерло просо. Крутится мельничный камень, крутится, словно жизни колесо, только назад, крутит Алемгуль диск против часовой стрелки, словно он отправит её в далекое прошлое. Счастливое, красивое, беззаботное и сытое ли?! Но почему-то хотелось туда, и очень сильно. Запах жареного проса, одинокий жёрнов вызвали ностальгию, а может, просто обида на детей растревожила рану, или предчувствие?!

На потолке в старом гнезде тревожно чирикали птенцы ласточек, поочередно залетали через открытое окно касатик и касатка, облетали вокруг старухи, успокаивали свои чада и снова улетали прочь. Но Алемгуль их не замечала – шум мельничного камня, его гипнотический круговорот унес её далеко-далеко в прошлое. Вот она, красивая, молодая, единственная дочь бая, выходит замуж за сильного, мужественного Байтаса. Ну и что, что всё лицо в рубцах от оспы. Отец её отдал за него за его настойчивость. Ведь жених сватался дважды. Но отдать решил глава семьи только после тяжелой болезни дочери. Испугался гнева божьего и благословил молодых, хоть и не богат был отец Байтаса. Всё было у неё с ним – и счастье, и горе, разочарования, боль, радость, предательство, побои были и нежность, жалость, равнодушие – всё было. «Жалею ли, что вышла за него замуж?» «Да нет, – ответила себе Алемгуль, – забыла плохое, помню только хорошее, надо же», – улыбнулась старуха в пустоту.

Жёрнов стал громче скрежетать, старуха за воспоминаниями совсем забыла про просо. Засыпала полное жерло и снова ушла в дымку прошлого. «Сколько я перемолола муки с тобой, мой друг?! И в сытые дни, и в голодные. Сколько намолола хлеба белого, черного, а бывало и из отрубей, жмыха, травы кумаршик – всё было... Голод не хочу вспоминать, но лезет, не могу

забыть и простить себя. Было бы вас, мои деточки, не семеро, а девятеро. Один малыш умер в бесике, когда ваш отец был на войне, а мы – бабы на покосе. Старшие дети накрыли одеялом колыбель, а он и задохнулся. Другого малыша я убила собственными руками. Никто никогда не узнает об этом. Так и умру, никому не сказав». Бабка с трудом толкнула камень, вымела руками помол и снова его пустила в жерло, чтобы мягче и нежней был талкан. «Это тоже во время войны случилось. Помню, накануне того дня мы со старшим сыном кромешной ночью пошли на колхозное поле и по зернушку – это всё, что осталось после покоса – собирали в ладонь рожь казенную. Дрожали, как листья осинового, от страха. Сторож мог стрелять без предупреждения, если увидит, а если поймут – и того хуже. Собрали мы с сыном по две горсти каждый, и бежать домой. Сын лег спать, а я пошла в ночи к тебе, дружок мой каменный. Намолола муки, тесто заквасила, а потом и спекла маленький каравай. Нет чтобы спать пойти дуре, пошла стирать, а уже светало. Проснулся младшенький, ему где-то полтора, а может, два было. Пошел в кухню на запах, схватил каравай, и ну давай его есть. Съел уже половину и пошел искать меня. Я как увидела краюху хлеба у него в руках, со зла как шлепнула мокрой тряпкой, он и упал, там же и помер. Я так хотела покормить всех детей вместе, а особенно старшенького, большой он уже был, не наедался, а помогал мне, как взрослый, в свои двенадцать лет. Боялась – не сдюжит голод, и труд не по годам. Вот так-то. Сама и убила своими руками дитятко свое. Грех мой – сама и отвечу. О Аллах, прости меня грешную!»

Крупные слезы упали на жёрнов, словно редкие капли дождя на пыльную землю перед ливнем. Алемгуль вытерла уголком платка глаза, поменяла затекшую правую руку на левую и снова ушла глазами в пустоту, а головой в былое. Вспомнила свадьбы детей, рождение внуков, как умирал Байтас, его последний прощальный взгляд, как «прости» или «люблю»... Алемгуль бы еще долго сидела и крутила жёрнов, но просо закончилось, и надо было вставать. Медленно, осторожно встала на затекшие ноги, аккуратно собрала помол и, низко согнувшись, положив правую руку на жёрнов, тихо прошептала: «Кош бол, дыйрмен тас, кош бол!»

